

Шопенгауэр Артур

Афоризмы житейской мудрости

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Афоризмы житейской мудрости / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требованию, 2024. – 116 с.

ISBN 978-5-521-31484-3

ISBN 978-5-521-31484-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Paralipomena»¹.

О содержательности предлагаемого произведения распространяться не приходится: имя Шопенгауэра говорит достаточно за себя. Однако, можно указать на некоторые специфические черты, делающие данный труд доступным и интересным даже для широких масс. При этом, прежде всего следует отметить, что к богатству философских идей в «Афоризмах» примешан еще и индивидуальный момент; свободная форма изложения дает возможность видеть не только философа, но и человека, не только великого мыслителя с его беспощадно-холодным разумом и «отточенной как бритва» логикой, но и смертного, волнуемого страстями, дающего простор своему негодованию на нелюбовь людских отношений.

Характерно, далее, задание. «Искусство счастливо прожить жизнь»! Девиз этот показывает, что «Афоризмы», помимо научно-философского интереса способны отвечать также и потребностям рядового смертного, ищущего руководящих принципов для своей реальной — слишком реальной — жизни. Повидимому, эту цель имел в виду сам Шопенгауэр; во всяком случае язык «Афоризмов» значительно легче того, каким изложены его крупные труды.

Наконец, следует учесть еще следующее. Сам Шопенгауэр признал, что «Афоризмы», в силу их самостоятельного характера, могут быть вполне усвоены и поняты независимо от знакомства с его главными философскими трудами. Мало того: эти же «Афоризмы» являются как нельзя более пригодными к тому, чтобы «через них» вступить в глубокую нѣдра Шопенгауэровской философии. Ведь все главнейшее, основные тезисы великого пессимиста приведены и в «Афоризмах», где они к тому же изложены весьма доступным языком, иллюстрированы массою наглядных примеров, так что усвоить их нетрудно даже для мало сведущаго в философии читателя. Что касается перевода, то некоторая лаконичность, отрывочность стиля должна быть отнесена на счет автора, который ведь недаром озаглавил настоящий труд «Aphorismen».

Переводчикъ.

¹ Пер. Черниговца „Афоризмы“, т.т. I—III.

Афоризмы житейской мудрости.

Le bonheur n'est pas chose
aisée, il est très difficile de le
trouver en nous et impossible
de le trouver ailleurs².
Chamfort.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятію житейской мудрости я придаю строго имманентный смысл: подъ нимъ я подразумѣваю искусство провести жизнь по возможности счастливо и легко. Мою теорію можно было бы назвать эвдемологіей, т. к. она имѣетъ цѣлью научить счастливой жизни. Счастливая жизнь можетъ быть опредѣлена какъ такое существованіе, которое, будучи разсмотрѣно объективно или скорѣе — (т. к. здѣсь важно именно субъективное сужденіе) — по зрѣломъ и спокойномъ размышленіи, — должно быть безусловно предпочтено небытію. Изъ такого пониманія счастливой жизни вытекаетъ, что мы держимся за нее ради нея самой, а не только изъ страха смерти; отсюда ясно также, почему мы желаемъ жить бесконечно. Соотвѣтствуетъ ли человѣческая жизнь такому понятію бытія, и можетъ-ли вообще ему соотвѣтствовать — вотъ вопросъ, на который моя философія даетъ отрицательный отвѣтъ; для эвдемологіи-же первой предпосылкой является утвердительный отвѣтъ.

Но эта послѣдняя система покоится на ложной основѣ, что и показано мною въ 49 главѣ // тома моего главнаго труда. Чтобы самому создать подобную систему, мнѣ пришлось сойти съ метафизико-этическихъ высотъ моей подлинной философ\и. Слѣдовательно, всё развиваемая здѣсь мысли основаны въ извѣстной мѣрѣ на компромиссѣ, ибо служить развит\емъ общепринятой, эмпирической точки зрѣн\я и сохраняютъ потому всё ошибки послѣдней; цѣнность ихъ условна, такъ какъ само понят\е эвдемолог\и призрачно. — Помимо всего я не претендую на полноту изслѣдован\я, отчасти потому, что сама тема неисчерпаема, отчасти потому, что не хотѣлъ-бы повторять сказаннаго другими.

Обращаю вниманіе читателя на трактующую ту-же тему, что и настоящіе афоризмы, книгу Кардана «De utilitate ex adversis capienda», служащую хорошимъ дополненіемъ къ моему очерку. Правда, и Аристотель вставилъ краткую эвдемологію въ 5 главу I книги своей Реторики, но она вышла у него очень сухой. Я не пользовался трудами этихъ предшественниковъ, т. к. компиляція — не мое дѣло, а особенно потому, что при этомъ было-бы потеряно единство идеи, составляющее поистинѣ душу подобнаго рода сочиненій. Все послѣдующее — въ общихъ чертахъ, конечно — уже высказывалось мудрецами, тогда какъ глупцы, т. е. подавляющее большинство людей, поступали всегда какъ разъ наоборотъ; — такъ это будетъ и впредь. Правъ Вольтеръ, говоря: «мы покинемъ этотъ міръ такимъ-же глупымъ и злымъ, какимъ мы застали его при приходѣ».

² Счастье дается не легко: очень трудно найти его въ себѣ, и невозможно — въ чемъ-либо другомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Основное дѣленіе.

Аристотель (Eth. Nicom. I, 8) раздѣлилъ блага человѣческой жизни на 3 группы: блага внѣшнія, духовныя и тѣлесныя. Сохраняя лишь тройное дѣленіе, я утверждаю, что все, чѣмъ обуславливается различіе въ судьбѣ людей, можетъ быть сведено къ тремъ основнымъ категоріямъ:

1) Что такое человекъ: — т.е. личность его въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Сюда слѣдуетъ отнести здоровье, силу, красоту, темпераментъ, нравственность, умъ и степень его развитія.

2) Что человекъ имѣетъ: — т.е. имущество, находящееся въ его собственности или владѣніи.

3) Что представляет собою человекъ; этими словами подразумѣвается то, какимъ человекъ является въ представленіи другихъ: какъ они его себѣ представляютъ; — словомъ это — мнѣніе остальныхъ о немъ, мнѣніе, выражающееся во внѣ въ его почетѣ, положеніи и славѣ.

Перечисленные въ первой рубрикѣ элементы вложены въ человека самой природой; изъ этого уже можно заключить, что вліяніе ихъ на его счастье или несчастье значительно сильнѣе и глубже того, какое оказывается факторами двухъ другихъ категорій, создающимися силами людей. По сравненію съ истинными личными достоинствами — обширнымъ умомъ или великимъ сердцемъ — всѣ преимущества, доставляемыя положеніемъ, рожденіемъ, хотя-бы царственнымъ, богатствомъ и т. п. оказываются тѣмъ-же, чѣмъ оказывается театральнѣйшій король по сравненію съ настоящимъ. Метродоръ, первый ученикъ Эпикура, такъ начинаетъ одну изъ своихъ главъ: «То, что находится внутри насъ, болѣе вліяетъ на наше счастье чѣмъ то, что вытекаетъ изъ вещей внѣшняго міра» (см. Clemens Alex. Strom. II, 21, стр. 362 Вюрцбургскаго изданія). Дѣйствительно, вполне безспорно, что для блага индивидуума, даже больше — для его бытія, самымъ существеннымъ является то, что въ немъ самомъ заключается или происходитъ. Только этимъ и обуславливается его чувство удовольствія или неудовольствія, — являющееся ближайшимъ образомъ результатомъ ощущеній, желаній и мыслей; все, лежащее внѣ этой области имѣетъ лишь косвенное вліяніе на человека. Потому-то однѣ и тѣ-же внѣшнія событія вліяютъ на каждого совершенно различно; находясь въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, люди все-же живутъ въ разныхъ мірахъ. Непосредственно человекъ имѣетъ дѣло лишь съ своими собственными представленіями, ощущеніями и движеніями воли; явленія внѣшняго міра вліяютъ на него лишь постольку, поскольку ими вызываются явленія во внутреннемъ мірѣ. Міръ, въ которомъ живетъ человекъ, зависитъ прежде всего отъ того, какъ его данный человекъ понимаетъ, а слѣдовательно, отъ свойствъ его мозга: сообразно съ послѣднимъ міръ оказывается то бѣднымъ, скучнымъ и пошлымъ, то наоборотъ, богатымъ, полнымъ интереса и величія. Обыкновенно завидуютъ тѣмъ, кому въ жизни удавалось сталкиваться съ интересными событіями; въ такихъ случаяхъ скорѣе стоитъ завидовать той способности къ воспріятію, которая придаетъ событію тотъ интересъ, то значеніе, какое оно имѣетъ на взглядъ рассказчика; одно и то-же происшествіе, представляющееся умному человеку глубоко интереснымъ превратилось-бы, будучи воспринято пустенькимъ пошлякомъ, въ скучнѣйшую сцену изъ плоской обыденщины. Особенно ясно это сказывается въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Гете и Байрона, описывающихъ, повидимому, дѣйствительно случившіяся происшествія:

недалекій читатель склоненъ въ такихъ случаяхъ завидовать поэту въ томъ, что на его долю выпало это происшествіе, вмѣсто того, чтобы завидовать его могучему воображенію, превратившему какое-нибудь повседневное событіе въ нѣчто великое и красивое. Меланхоликъ приметъ за трагедію то, въ чемъ сангвиникъ увидитъ лишь интересный инцидентъ, а флегматикъ — нѣчто, не заслуживающее вниманія. Происходитъ это отъ того, что дѣйствительность, т. е. всякій осуществившійся фактъ, состоитъ изъ двухъ половинъ: изъ субъективной и объективной, столь-же необходимо и тѣсно связанныхъ между собою, какъ водородъ и кислородъ въ водѣ. При тождественныхъ объективныхъ и разныхъ субъективныхъ данныхъ или наоборотъ, получатся двѣ глубоко различныя дѣйствительности: превосходнѣйшія субъективныя данныя при тупой, скверной субъективной половинѣ создадутъ въ результате очень плохую дѣйствительность, подобно красивой мѣстности, наблюдаемой въ дурную погоду или черезъ скверное стекло. Проще говоря, человѣкъ такъ-же не можетъ выльзти изъ своего сознанія, какъ изъ своей кожи и непосредственно живетъ только въ немъ; потому-то такъ трудно помочь ему извнѣ. На сценѣ одинъ играетъ князя, другой — придворнаго, третій — слугу, солдата или генерала и т. п. Но эти различія суть чисто-внѣшнія, истинная-же, внутренняя подкладка у всѣхъ участниковъ одна и та-же: бѣдный актеръ съ его горемъ и нуждою. Такъ и въ жизни. Различія въ богатствѣ, въ чинѣ отводятъ каждому особую роль, но отнюдь не ею обуславливается распредѣленіе внутренняго счастья и довольства: и здѣсь въ каждомъ таится одинъ и тотъ-же жалкій бѣднякъ, подавленный заботами и горемъ, которое, правда, разнообразится въ зависимости отъ субъекта, но: въ истинномъ своемъ существѣ остается неизмѣннымъ; если и существуетъ разница въ степени; то она ни въ какой мѣрѣ не зависитъ отъ положенія или богатства субъекта, т. е. отъ характера его роли.

Такъ какъ все существующее и происходящее существуетъ и происходитъ непосредственно лишь въ сознаніи человѣка, то очевидно, свойства этого сознанія существеннѣе всего и играютъ болѣе важную роль, чѣмъ отражающіеся въ немъ образы. Всѣ наслажденія и роскошь, воспринятая туманнымъ сознаніемъ глупца, окажутся жалкими по сравненію съ сознаніемъ Сервантеса, пишущаго въ тѣсной тюрьмѣ своего Донъ-Кихота.

Объективная половина дѣйствительности находится въ рукахъ судьбы, и потому измѣнчива; субъективное данное — это мы сами; въ главныхъ чертахъ оно неизмѣнно. Вотъ почему жизнь каждаго носить, несмотря на внѣшнія перемѣны, съ начала до конца одинъ и тотъ-же характеръ; ее можно сравнить съ рядомъ варіацій на одну и ту-же тему. Никто не можетъ сбросить съ себя свою индивидуальность. Въ какія условія ни поставить животное, оно всегда останется заключеннымъ въ томъ тѣсномъ кругѣ, какой навѣки очерченъ для него природой, — почему, напр., наше стремленіе осчастливить любимое животное можетъ осуществиться вслѣдствіе этихъ границъ его существа и сознанія, лишь въ очень узкихъ рамкахъ. Также и человѣкъ: его индивидуальность заранѣе опредѣляетъ мѣру возможнаго для него счастья. Особенно прочно, притомъ навсегда, его духовныя силы опредѣляютъ способность къ возвышеннымъ наслажденіямъ. Разъ эти силы ограничены, то всѣ внѣшнія усилія, все, что сдѣлаютъ для человѣка его ближніе и удача, — все это не сможетъ возвысить человѣка надъ свойственнымъ ему полу-животнымъ счастьемъ и довольствомъ; на его долю останутся чувственныя удовольствія, тихая и уютная семейная жизнь, скверное общество и вульгарныя развлеченія. Даже образованіе можетъ лишь очень мало содѣйствовать расширенію круга его наслажденій; вѣдь высшія, самыя богатые по

разнообразію, и наиболѣе привлекательныя наслажденія — суть духовныя, какъ-бы мы въ юности не ошибались на этотъ счетъ; — а такія наслажденія обусловлены прежде всего нашими духовными силами.

Отсюда ясно, насколько наше счастье зависитъ отъ того; что мы такое, отъ нашей индивидуальности; обычно-же при этомъ учитывается только судьба — т. е. то, что мы имѣемъ и то, что мы собою представляемъ. Но судьба можетъ улучшиться; къ тому-же при внутреннемъ богатствѣ человѣкъ не станетъ многого отъ нея требовать. Глупецъ всегда останется глупцомъ, и тупица — тупицей, будь они хоть въ раю и окружены гуріями. Гете говорить:

„Volk und Knecht und Überwinder“
„Sie gestehn zu jeder Zeit“
„Höchstes Glück der Erdenkinder“
„Sei nur die Persönlichkeit“³.

Что субъективная сторона несравненно важнѣе для нашего счастья и довольства, чѣмъ объективный данныя — это подтверждается всѣмъ, начиная съ того, что голодъ — лучшій поваръ, и что старикъ равнодушно смотритъ на богиню юности — женщину, и кончая жизнью генія или святого. Особенно здоровье перевѣшиваетъ всѣ внѣшнія блага настолько, что здоровый нищій счастливѣе больного короля. Спокойный, веселый темпераментъ, являющійся слѣдствіемъ хорошаго здоровья и сильнаго организма, ясный, живой, проницательный и правильно мыслящій умъ, сдержанная воля и съ тѣмъ вмѣстѣ чистая совѣсть — вотъ блага, которыхъ замѣнить не смогутъ никакія чины и сокровища. То, что человѣкъ значить для самого себя, что сопровождаетъ его даже въ одиночествѣ и что никѣмъ не можетъ быть подарено или отнято — очевидно существеннѣе для него всего, чѣмъ онъ владѣетъ и чѣмъ онъ представляется другимъ людямъ. Умный человѣкъ въ одиночествѣ найдетъ отличное развлеченіе въ своихъ мысляхъ и воображеніи, тогда какъ даже непре рывная смѣна собесѣдниковъ, спектаклей, поѣздокъ и увеселеній не оградить тупицу отъ терзающей его скуки. Человѣкъ съ хорошимъ, ровнымъ, сдержаннымъ характеромъ даже въ тяжелыхъ условіяхъ можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, чего не достигнуть человѣку алчному, завистливому и злому, какъ-бы богатъ онъ ни былъ. Для того, кто одаренъ выдающимся умомъ и возвышеннымъ характеромъ большинство излюбленныхъ массою удовольствій — излишни, даже болѣе — обременительны. Горацій говоритъ про себя: «Есть люди, не имѣющіе ни драгоцѣнностей, ни мрамора, ни слоновой кости, ни Тирренскихъ статуй, ни картинъ, ни серебра, ни окрашенныхъ Гетулійскимъ пурпуромъ одеждъ: но есть и такіе, кто не заботится о томъ, чтобы имѣть ихъ», а Сократъ, при видѣ выставленныхъ къ продажѣ предметовъ роскоши, воскликнулъ: «Сколько существуетъ вещей, которыя мнѣ не нужны».

Итакъ для нашего счастья то, что мы такое, — наша личность — является первымъ и важнѣйшимъ условіемъ, уже потому, что сохраняется всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ; къ тому-же она, въ противоположность благамъ двухъ другихъ категорій, не зависитъ отъ превратностей судьбы и не можетъ быть отнята у насъ. Въ этомъ смыслѣ цѣнность ея — абсолютна, тогда какъ цѣнность другихъ благъ — относительна. Отсюда слѣдуетъ; что человѣкъ гораздо менѣе подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ это принято думать. Одно лишь всемогущее время властвуетъ и здѣсь: ему поддаются постепенно и физическіе и духовные элементы человѣка; одна лишь моральная сторона характера недоступна ему. Въ

³ Народы, рабы и побѣдители всегда признавали, что высшее благо человѣка — его личность.

этомъ отношеніи блага двухъ послѣднихъ категорій имѣютъ то преимущество передъ благами первой, что время не можетъ непосредственно ихъ отнять. Второе преимущество ихъ въ томъ, что, существуя объективно, онѣ достижимы по своей природѣ; по крайней мѣрѣ передъ каждымъ открыта возможность пріобрѣсти ихъ, тогда какъ субъективная сторона не въ нашей власти, создана jure divino неизмѣнной разъ навсегда. Въ этомъ смыслѣ здѣсь вполнѣ примѣнимы слова Гете:

„Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen,
Die Sonne stand zum Grusse der Planeten
Bist alsobald und fort und fort gediehen
Nach dem Gesetz, wonach du angetreten.
So musst du sein, dir kannst du nicht entfliehen
So sagten schon Sybillen, so Propheten;
Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt
Geprägte Form, die lebend sich entwickelt⁴.

Единственное, что мы въ этомъ отношеніи можемъ сдѣлать, это — использовать наши индивидуальныя свойства съ наибольшей для себя выгодой, сообразно съ этимъ развивать соотвѣтствующія имъ стремленія, и заботиться лишь о такомъ развитіи, какое съ ними согласуется, избѣгая всякаго другого; словомъ — выбирать ту должность, занятіе, тотъ образъ жизни, какія подходятъ къ нашей личности.

Человѣкъ геркулесовскаго сложенія, необычайной физической силы, вынужденный въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ вести сидячую жизнь за кропотливой ручной работой, за научнымъ или умственнымъ трудомъ, требующимъ совершенно иныхъ, неразвитыхъ у него силъ, оставляющій неиспользованными тѣ силы, которыми онъ такъ щедро надѣленъ — такой человѣкъ всю жизнь будетъ несчастливъ; еще, впрочемъ, несчастіе будетъ тотъ, въ комъ преобладаютъ интеллектуальныя силы и кто, оставляя ихъ неразвитыми и неиспользованными вынужденъ заниматься какимъ-либо простымъ, не требующимъ вовсе ума дѣломъ или даже физическимъ трудомъ, ему непосильнымъ. Особенно въ юности слѣдуетъ остерегаться приписать себѣ избытокъ силъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Изъ безспорнаго перевѣса благъ первой категоріи надъ благами другихъ двухъ вытекаетъ, что благоразумнѣе заботиться о сохраненіи своего здоровья и о развитіи способностей, чѣмъ о приумноженіи богатствъ; но этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто надо пренебрегать пріобрѣтеніемъ всего необходимаго или просто привычнаго намъ. Подлинное богатство, т. е. большой избытокъ средствъ, немного способствуетъ нашему счастью; если многіе богачи чувствуютъ себя несчастными, то это оттого, что они не причастны истинной культурѣ духа, не имѣютъ знаній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объективныхъ интересовъ, которые могли-бы подвинуть ихъ къ умственному труду. То, что можетъ дать богатство сверхъ удовлетворенія насущныхъ и естественныхъ потребностей, мало вліяетъ на наше внутреннее довольство: послѣднее скорѣе терпитъ отъ множества заботъ, неизбѣжно связанныхъ съ сохраненіемъ большого состоянія. Тѣмъ не менѣе люди въ тысячу разъ болѣе заняты пріобрѣтеніемъ богатства, чѣмъ культурою духа, какъ ни очевидно, что то, чѣмъ мы являемся на самомъ дѣлѣ, значить для нашего счастья гораздо больше чѣмъ то, что мы имѣемъ.

⁴ Какъ въ день, подарившій тебя міру, солнце привѣтствовало свѣтила, такъ и ты росъ по тѣмъ же законамъ, какіе вызвали тебя къ жизни. Такимъ ты всегда останешься; нельзя уйти отъ самого себя; — такъ говорили сибиллы и пророки; никакая власть, никакое время не могутъ разбить разъ созданной и развивающейся формы жизни.

Сколько людей, въ постоянныхъ хлопотахъ, неумоимо, какъ муравьи, съ утра до вечера заняты увеличеніемъ уже существующаго богатства; имъ чуждо все, что выходитъ изъ узкаго круга направленныхъ къ этой цѣли средствъ: ихъ пустая душа невосприимчива ни къ чему иному. Высшія наслажденія — духовныя — недоступны для нихъ; тщетно стараются они замѣнить ихъ отрывочными, мимолетными чувственными удовольствіями, требующими мало времени и много денегъ. Результаты счастливой, сопутствуемой удачею, жизни такого человѣка выразятся на склонѣ его дней въ порядочной кучкѣ золота, увеличить или промотать которую предоставляется наслѣдникамъ. Такая жизнь, хотя и ведется съ большою серьезностью и важностью, но уже поэтому также глупа, какъ всякая, осуществляющая девизъ дурацкаго колпака.

Итакъ, то, что каждый имѣетъ въ себѣ, важнѣ всего для его счастья. Только потому, что счастья по общему правилу очень мало, большинство побѣдившихъ въ борьбѣ съ нуждой, чувствуютъ себя въ сущности столь-же несчастными, какъ тѣ, кто еще борется съ нею. Ихъ внутренняя пустота, расплывчатость ихъ сознанія и бѣдность духовная гонять ихъ въ общество, которое, однако, состоитъ изъ имъ-же подобныхъ — *similis simili gaudet*. Тутъ предпринимается общая погоня за развлеченіями, которыхъ въ началѣ ищутъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, въ различныхъ удовольствіяхъ и въ концѣ-концовъ — въ излишествахъ. Источникомъ той пагубной расточительности, благодаря которой столь многіе сыновья, вступающіе въ жизнь богачами, проматываютъ огромныя наслѣдства, — является исключительно скука, вытекающая изъ только-что описанной духовной несостоятельности и пустоты. Такой юноша, вступивъ въ жизнь богатымъ съ внѣшней стороны, но бѣднякомъ по внутреннему содержанію, тщетно старается замѣнить внутреннее богатство внѣшнимъ, пріобрѣсти все извнѣ, — подобно старцу, ищущему почерпнуть новыхъ силъ въ молодости окружающихъ. Эта внутренняя бѣдность и приводитъ въ концѣ-концовъ къ внѣшней.

Излишне разяснять важность двухъ другихъ категорій жизненныхъ благъ: цѣнность богатства нынѣ настолько общепризнана, что не нуждается въ комментаріяхъ. Третья категорія — мнѣніе другихъ о насъ представляется по сравненію со второй — малоосознательной. Однако заботиться о чести, т. е. о добромъ имени, долженъ каждый, о чинѣ — лишь тотъ, кто служитъ государству, и о славѣ — лишь немногіе. Въ то-же время честь считается не оцѣнимымъ благомъ, а слава — самымъ цѣннымъ, что только можетъ быть добыто человѣкомъ — золотымъ руномъ избранныхъ, тогда какъ предпочитать чинъ богатству могутъ лишь дураки. Въ частности вторая и третья категорія находятся въ нѣкоторомъ взаимодействіи; — здѣсь примѣнимы слова Петронія: «*habes — habeberis*»⁵; доброе мнѣніе другихъ, какъ-бы оно ни выражалось — часто расчищаетъ путь къ богатству и наоборотъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О томъ, что такое человѣкъ.

Въ принципѣ мы согласились, что наше истинное «я» гораздо болѣе обуславливаетъ наше счастье, чѣмъ то, что мы имѣемъ, или что мы собою представляемъ. Всегда самое важное, это то, что такое данный человѣкъ, — что онъ имѣетъ въ себѣ самомъ; вѣдь его индивидуальность сопутствуетъ ему всюду и всегда, придавая ту или иную окраску всему

⁵ Ищешь одно — будешь имѣть и другое.

переживаемому. Въ концѣ-концовъ источникомъ всѣхъ нашихъ наслажденій являемся мы сами; это относится и къ физическимъ, а тѣмъ паче и къ духовнымъ наслажденіямъ. Англійское выраженіе «to enjoy one's self» — очень мѣтко; въ этомъ смыслѣ he enjoys himself at Paris не значитъ «онъ наслаждается Парижемъ», а «онъ наслаждается собою въ Парижѣ».

Если наша личность плоха, то испытываемыя нами наслажденія уподобятся цѣнному вину, вкушаемому человѣкомъ, у котораго во рту остался вкусъ желчи. Поэтому и въ счастіи и въ горѣ, исключая развѣ случаи тяжелыхъ бѣдъ, то, что случается съ человѣкомъ въ жизни, менѣе важно, чѣмъ то, какъ онъ воспринимаетъ эти событія — т. е. каковы способъ и степень его восприимчивости во всѣхъ отношеніяхъ. То, что мы имѣемъ въ себѣ — наша личность и подлинная цѣнность ея — является единственнымъ непосредственнымъ факторомъ нашего счастья и довольства; всѣ остальные факторы — вліяютъ лишь косвенно и дѣйствіе ихъ можетъ быть парализовано, тогда какъ личность проявляетъ свое вліяніе всегда. Потому-то зависть къ личнымъ достоинствамъ — самая непримиримая и скрывается особенно тщательно. Лишь свойства сознанія пребываютъ неизмѣнными и непреложными, только индивидуальность дѣйствуетъ постоянно, непрерывно, болѣе или менѣе сильно въ различные моменты, тогда какъ все остальное проявляетъ свое вліяніе временами, случайно, и къ тому-же само подвержено измѣненіямъ и гибели; Аристотель справедливо замѣчаетъ: «вѣчна природа, но не вещи» (Eth. Eud.VII, 2). Вотъ почему мы переносимъ свалившееся на насъ извнѣ несчастье съ большею покорностью, чѣмъ происшедшее по нашей винѣ: судьба можетъ измѣниться, личныя-же наши свойства — никогда.

Итакъ субъективныя блага, какъ-то благородный характеръ, большія способности, счастливый, веселый нравъ и вполне здоровое тѣло, — словомъ, «mens sana in corpore sano» (Juvenal Sat. X, 356) — являются первымъ и важнѣшимъ условіемъ нашего счастья; сообразно съ этимъ, мы должны гораздо больше заботиться объ ихъ развитіи и сохраненіи, чѣмъ о пріобрѣтеніи внѣшнихъ благъ и почестей.

Изъ личныхъ свойствъ непосредственнѣ всего способствуетъ нашему счастью веселый нравъ; это прекрасное качество немедленно-же находитъ награду въ самомъ себѣ. Кто веселъ, — тотъ всегда имѣетъ причину быть таковымъ; причина эта — его веселый нравъ. Ничто не способно въ такой мѣрѣ замѣнить любое другое благо, какъ это свойство. Если человѣкъ молодъ, красивъ, богатъ и уважаемъ, то, чтобы судить о его счастіи, надо еще знать, веселъ-ли онъ; тогда какъ если онъ веселъ, то безразлично, старъ онъ или молодъ, прямъ или горбатъ, богатъ или бѣденъ — онъ счастливъ. Въ ранней юности попалась мнѣ въ старой книгѣ слѣдующая фраза: «кто много смѣется — счастливъ, кто много плачетъ — несчастливъ» — крайне простодушный афоризмъ, который я, однако, не забылъ именно изъ за его примитивной правдивости; хотя по существу это — чистѣйшій трюизмъ и ничего больше. Поэтому всякій разъ, какъ въ насъ появляется веселость, мы должны всячески идти ей навстрѣчу; она не можетъ появиться не во-время; между тѣмъ мы часто еще колеблемся, открыть-ли ей путь; желаемъ предварительно выяснить, имѣемъ-ли мы достаточный поводъ быть довольными. Иногда это происходитъ изъ опасенія, чтобы веселье не помѣшало нашимъ серьезнымъ размышленіямъ и важнымъ заботамъ; однако, что намъ могутъ дать эти серьезные занятія — это еще большой вопросъ, тогда какъ веселость приноситъ намъ непосредственную, прямую выгоду. Только она является наличной монетой счастья; все другое — кредитные билеты. Непосредственно давая намъ счастье въ настоящемъ, она является высшимъ благомъ для существъ, дѣйствительность

коихъ осуществляется въ недѣлимомъ настоящемъ между двумя безконечностями времени. Потому первѣйшей нашей заботой должно быть пріобрѣтеніе и пріумноженіе этого сокровища. Не подлежитъ сомнѣнію, что ничто такъ не вредитъ веселости, какъ богатство и ничто не способствуетъ ей больше, чѣмъ здоровье: у низшаго, трудящагося люда, особенно у землепашцевъ, обычное выраженіе лица — веселое и довольное, тогда какъ на лицахъ богатыхъ, «приличныхъ» людей большею частью написана скука. Слѣдовательно прежде всего мы должны стараться сохранить хорошее здоровье, на почвѣ котораго только, и можетъ вырасти веселость. Средства къ этому — несложныя: избѣгать всѣхъ эксцессовъ, излишествъ, бурныхъ и неприятныхъ волненій, а также черезчуръ напряженнаго и продолжительнаго умственнаго труда; далѣе — усиленное движеніе на свѣжемъ воздухѣ въ теченіи по крайней мѣрѣ двухъ часовъ, частое купанье въ холодной водѣ и тому подобныя гигиеническія мѣры. Безъ достаточнаго ежедневнаго движенія нельзя сохранить здоровья; жизненные процессы могутъ совершаться правильно лишь при условіи движенія какъ тѣхъ органовъ, въ которыхъ они происходятъ, такъ и всего организма. Аристотель справедливо замѣтилъ: «жизнь заключается въ движеніи». Движеніе сущность жизни. Во всѣхъ тайникахъ организма царитъ безпрестанное, быстрое движеніе: сердце съ его сложной двойной функціей — расширенія и сжатія — бьется неустанно; въ 28 пульсацій оно заставляетъ всю кровь совершить большой и малый кругъ кровообращенія; легкія, непрерывно, какъ машина, накачиваютъ воздухъ; кишки постоянно производятъ перистальтическія движенія; железы безостановочно вырабатываютъ разные продукты; даже мозгъ получаетъ двойное движеніе: отъ біенія сердца и отъ вдыханія легкихъ. Если-же, какъ это бываетъ съ огромнымъ количествомъ людей, ведущихъ сидячую жизнь, внѣшнее движеніе совершенно отсутствуетъ, то возникаетъ рѣзкое и пагубное несоотвѣтствіе между внѣшнимъ покоемъ и внутреннимъ движеніемъ. Въ виду того, что постоянное внутреннее движеніе требуетъ извѣстной поддержки извнѣ, — несоотвѣтствіе это будетъ въ сущности аналогично тому, какое получается, когда мы, благодаря какому-либо аффекту, испытываемъ сильнѣйшее волненіе, но не смѣемъ его обнаружить. Даже деревьямъ, для правильного ихъ роста, необходимо движеніе, доставляемое имъ вѣтромъ. Здѣсь примѣнимо правило, которое можно формулировать такъ: «движеніе, чѣмъ оно быстрѣе, тѣмъ оно больше движеніе».

Насколько наше счастье зависитъ отъ веселости, а эта послѣдняя отъ состоянія здоровья, — это станетъ яснымъ, если сравнить впечатлѣніе, производимое однѣми и тѣми-же внѣшними обстоятельствами или событіями въ тѣ дни, когда мы здоровы и сильны, съ тѣмъ, какое получается, когда благодаря болѣзни мы настроены угрюмо и мнительно. Намъ дѣлаетъ счастливыми и несчастными не то, каковы предметы въ дѣйствительности, а то, во что мы ихъ путемъ воспріятія превращаемъ. Это именно и говоритъ Эпиктетъ: «людей волнуютъ не самыя вещи, а мнѣніе о вещахъ».

Вообще ⁹I₁₀ нашего счастья основано на здоровьѣ. При немъ все становится источникомъ наслажденія, тогда какъ безъ него рѣшительно никакое внѣшнее благо не можетъ доставить удовольствія; даже субъективныя блага: качества ума, души, темперамента при болѣзненномъ состояніи ослабѣваютъ и замираютъ. Отнюдь не лишено основанія, что мы прежде всего спрашиваемъ другъ-друга о здоровьѣ и желаемъ его другъ-другу: оно поистинѣ главное условіе человѣческаго счастья. Отсюда выводъ тотъ, что величайшей глупостью было-бы жертвовать своимъ здоровьемъ ради чего-бы то ни было: ради богатства, карьеры, образованія, славы, не говоря уже о чувственныхъ и мимолетныхъ наслажденіяхъ; вѣрнѣе, всѣмъ этимъ стоитъ пожертвовать ради здоровья.

Но какъ много ни способствуетъ здоровье столь существенной для нашего счастья веселости, все-же не только отъ него зависитъ эта послѣдняя: съ прекраснымъ здоровьемъ можетъ уживаться меланхолическій темпераментъ и преобладаніе грустнаго настроенія. Основная ихъ причина коренится безъ сомнѣнія въ прирожденныхъ, а посему неизмѣнныхъ свойствахъ организма, въ большинствѣ случаевъ въ болѣе или менѣе ненормальномъ соотношеніи между чувствительностью, раздражительностью и воспроизводительной способностью. Чрезмѣрный перевѣсъ чувствительности влечетъ за собою неровность въ настроеніи: краткія вспышки ненормальной веселости на основномъ фонѣ меланхолии. Правда, геній обусловливается именно избыткомъ нервной энергіи, т. е. чувствительности и Аристотель (Probl. 30, 1) справедливо подмѣтилъ, что всѣ знаменитые и выдающіеся люди были меланхоликами — мысль, на которую впослѣдствіи ссылался Цицеронъ (Tusc. I, 33). Чрезвычайно характерно это прирожденное различіе основныхъ чертъ темперамента описано Шекспиромъ въ "Венеціанскомъ купцѣ" (ср. I):

„Забавныхъ чудаковъ
„Въ свои часы природа сотворяетъ:
„Одинъ — гляди — все шуруется и все
„Хохочетъ точно попугай, слышавъ
„Волюнки звукъ; а у другого видъ
„Такъ укусень, что увѣрай самъ Несторъ,
„Что вещь смѣшна — не обнаружить онъ
„Своихъ зубовъ улыбкою веселой —”.

Платонъ это-же различіе опредѣлилъ словами: *eucholos* и *dyscholos* — человекъ легкаго и человекъ тяжелаго нрава. Противуположеніемъ этимъ выражается чрезвычайно разнообразная у различныхъ людей воспріимчивость къ пріятнымъ и непріятнымъ впечатлѣніямъ, сообразно съ коей одинъ смѣется надъ тѣмъ, что другого способно привести въ отчаяніе; при томъ, обычно воспріимчивость къ пріятнымъ впечатлѣніямъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе воспринимаются непріятныя, и наоборотъ. При одинаковой вѣроятности счастливаго или неудачнаго исхода какого-либо дѣла *dyscholos* будетъ сердиться и печалиться при неудачѣ, при счастливомъ-же оборотѣ дѣла — не будетъ радоваться; въ то-же время *eucholos* не будетъ ни досадовать, ни скорбѣть о неудачѣ, счастливому-же исходу — обрадуется. Если *dyscholos* будетъ имѣть успѣхъ въ 9 предпріятіяхъ изъ 10, то это ему не доставитъ радости, но онъ будетъ опечаленъ единственнымъ неудавшимся, тогда какъ *eucholos* сумѣетъ даже при обратной пропорціи найти утѣшеніе и радость въ единственной удачѣ.

Впрочемъ, всякое зло имѣетъ свою хорошую сторону: такъ и въ данномъ случаѣ. На долю людей, обладающихъ мрачнымъ и мнительнымъ характеромъ выпадетъ больше такихъ горестей и страданій, которыя существуютъ лишь въ ихъ воображеніи, — чѣмъ на долю *eucholos*; но зато реальные неудачи будутъ въ ихъ жизни рѣже, чѣмъ у послѣднихъ: кто видитъ все въ черномъ свѣтѣ и готовъ къ худшему, тотъ ошибается рѣже въ своихъ расчетахъ, чѣмъ человекъ, смотрящій на жизнь сквозь розовые очки.

Если прирожденная «тяжеложелчность» сочетается съ болѣзненной чуткостью нервной системы, или съ разстройствомъ органовъ пищеваренія, то эта черта грозитъ развиться настолько, что постоянное недовольство жизнью можетъ вырождаться въ пресыщеніе ею и создать склонность къ самоубійству. При такихъ условіяхъ поводомъ къ послѣднему могутъ послужить самыя ничтожныя непріятности; при особенно серьезномъ разстройствѣ даже и ихъ не нужно: человекъ останавливается на самоубійствѣ подъ